

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ К. А. НЕВОЛИНА И ИХ РОЛЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОСЕЛЕНИЙ

Среди известных географов фамилия К. А. Неволлина упоминается редко, хотя работы его широко известны, на них ссылаются, они оказываются востребованными и в настоящее время. Причина заключается, вероятно, в том, что это имя ассоциируется больше с работами в области правоведения. Успехи К. А. Неволлина в этом отношении столь очевидны и общепризнанны, что «заслоняют» другие направления его научных изысканий. Его перу принадлежат фундаментальные труды, составившие целую эпоху в юридической науке. Так, в 1839-1840 гг. была опубликована монография «Энциклопедия законоведения» в 2 томах [9], что позволило современникам считать его «основателем философии права в России» [16]. Это была первая работа подобного рода не только в России, но и за рубежом. В 1851 г. вышла в свет другая работа Неволлина «История российских гражданских законов» в 3 томах [10]. Благодаря этому труду, потребовавшему шестнадцать лет исследований и основанному на многочисленных источниках, он вошел в историю российской науки как выдающийся юрист, заложивший основы гражданского права в России.¹ С его именем связывают создание русского юридического образования на научных основах.

Творчество этого замечательного юриста, оказавшего громадное влияние на развитие научного правоведения, отнюдь не замыкалось на проблемах юриспруденции, хотя достижения именно в данной области были значительны и получили соответствующий общественный резонанс. Его интересовали и другие направления научного познания, но основа творческого поиска оставалась неизменной: доскональное знание исторических источников (летописей, актов, собраний российских законов и т. п.). Это обстоятельство проявилось во всех его публикациях и непосредственно было связано с полученным воспитанием и образованием.

Константин Алексеевич Неволлин — уроженец г. Орлов Вятской губернии родился в семье священника в 1806 г. После успешного окончания Вятской духовной семинарии продолжил образование в Московской духовной академии. И возможно, его жизненный путь тем самым был бы predetermined. Но далее следуют кардинальные изменения, и вызваны они были причинами, весьма далекими от церковных интересов. В 1828 г. Неволлин среди лучших выпускников был направлен во II отделение собственной Его Величества канцелярии в распоряжение М. М. Сперанского, под руководством которого создавался свод законов империи. Ему необходимы были молодые люди, способные воспринять новые идеи и на их основе с учетом опыта

¹ В автореферате недавно защищенной диссертации Ю. В. Ячменева дается высокая оценка научной деятельности К. А. Неволлина и особо выделяется положение о том, что «идея гражданского общества впервые в отечественной юридической науке была наиболее полно обоснована в философии права К. А. Неволлина» ([16], с. 9).

западноевропейских стран построить русское юридическое образование. Поэтому студенты Духовной академии разных выпусков должны были получить серьезную теоретическую подготовку и обладать практическими навыками. Соответственно был организован начальный курс подготовки: занятия в Петербургском университете и во II отделении канцелярии, где будущие преподаватели знакомились с готовящимся сводом законов [9][14].

В 1829 г. Неволин с товарищами уже находились в Берлинском университете, и здесь они под руководством профессора Савиньи в течение трех лет продолжали образование. Лекции им читали известные ученые: Гегель, Кленце, Рудорф, Савиньи. В научных трудах Неволлина (особенно первых) явно прослеживается влияние Гегеля [17]. По возвращении в Петербург вновь работа в канцелярии и подготовка к сдаче экзамена на степень доктора наук, что и произошло в 1834 г. Через год Неволин защищает диссертацию на степень доктора права. Таким образом, завершился цикл обучения, и питомец М. М. Сперанского приступил к самостоятельной деятельности на юридическом поприще. В это время в России открываются новые университеты и расширяется юридическое образование.

К. А. Неволин был направлен в Киевский университет Св. Владимира ординарным профессором кафедры энциклопедии права и учреждений Российской Империи. Вскоре он становится деканом факультета, а затем его трижды избирают ректором университета, оказывая тем самым доверие и признавая несомненные научные заслуги. Здесь им была подготовлена первая крупная работа «Энциклопедия законоведения». М. Ф. Владимирский-Буданов — составитель истории университета — отмечал, что «именно в пятилетие управления К. А. Неволлина сложился и окреп университет» ([5], с. 132).

С 1843 г. научная и педагогическая деятельность этого уже авторитетного ученого проходит в Петербурге, на кафедре русских гражданских законов и гражданского судопроизводства университета, куда он назначен заведующим после кончины профессора Врангеля, а затем деканом факультета и проректором. Одновременно он — теперь уже действительный статский советник — становится деканом училища правоведения. Его избирают членом-корреспондентом Академии наук. Общественное признание заслуг выразилось в присуждении Демидовской премии (трижды). Император Николай I лично от себя наградил К. А. Неволлина бриллиантовым перстнем и орденом Св. Владимира III степени. Его приглашают консультантом в Министерство юстиции, в канцелярию Его Императорского Величества, избирают в члены разных ученых обществ и т. п. [4][5].

Третий раз Демидовской премии Неволин был удостоен за публикацию, тематика которой выходила за пределы привычного круга проблем правоведения. Первоначально им была задумана статья «О важности писцовых книг для древней географии России».¹ Внимательное изучение переписных

¹ Следует отметить, что Неволин ранее уже обращался к писцовым книгам как обязательному источнику, в частности при написании статьи «Об успехах государственного межевания в России до царствования Императрицы Екатерины II» [11]. В ней он обратил внимание на важность учета природных рубежей в межевании земельных наделов.

оброчных книг определило иное направление работы: «...образовалась мысль — начертать карту пятин и погостов новгородских в XVI веке» ([8], с. V). В конечном варианте получился солидный труд с оригинальной картой, впервые показавший научную значимость названных источников для понимания многих исторических и географических проблем России не только XV, XVI вв., но и более позднего времени.

К работам Неволлина неоднократно приходится применять слово «впервые». Это относится к «Энциклопедии законоведения» и к «Истории российских гражданских законов», а также с полным основанием к исследованию «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке». За эту работу автор был награжден большой Константиновской медалью Русского географического общества. По определению М. Усова (биографа Неволлина): «...эта работа принадлежит бесспорно к числу замечательнейших ученых трудов, какие только были совершаемы в области исторической географии» ([14], с. 23). Столь высокая оценка была дана в середине XIX в. Но вот свидетельство более позднего времени: «Еще в 1850-х годах К. А. Неволлин положил начало историко-географическому изучению Северо-Западной России» ([1], с. 7). Весьма примечательно, что авторы фундаментального труда, посвященного аграрной истории, сочли необходимым сослаться на работу Неволлина. Она оказывается также нужной при изучении эволюции сельского расселения и административно-территориального деления, форм собственности и социальной стратификации. Можно сказать, что в ней нашла отражение территориальная организация новгородских земель XV, XVI вв. Поэтому к этой работе постоянно будут обращаться не только те, кто интересуется конкретно данным периодом русской истории. В большей степени она оказывается полезной для отслеживания связи времен «между прошлым и будущим».

Учитывая широкую известность работы особенно среди историков, хотелось бы акцентировать внимание лишь на некоторых положениях. Во-первых, книга «О пятинах и погостах...» дает возможность выявить особенности развития поселенческой сети. Вопреки расхожему мнению сельские пункты обладают удивительной пространственно-временной устойчивостью. Как отмечает Г. С. Лебедев: «Сплошь и рядом древнерусские селища оказываются на окраине современных деревень» ([6], с. 33). На территории Ленинградской обл. (Водская и Шелонская пятинны Великого Новгорода) многие селения возникли в X-XI вв. Сравнение списков населенных мест за длительное время позволяет определить категорию тех из них, которые сохранили постоянное население, несмотря на смену общественных формаций, смутные или застойные годы. Основу такого анализа дают переписные оброчные книги и, разумеется, книга Неволлина. При этом выявляется интересная закономерность. В середине XVI в. в новгородских землях было наибольшее количество сел и деревень. Среднее расстояние между ними составляло 2-2.5 км, и 90% селений имели от 1 до 5 дворов [2]. Высокая плотность расселения складывалась постепенно, так как на начальной стадии освоения территории (IX-X вв.), скорее всего, преобладали гнездовые формы расселения. На современной карте западных районов Ленинградской обл.

деревни, образующие скопления, имеют названия с окончаниями на «ицы» или «ичи». По мнению ряда ученых (А. Я. Дегтярев и др.), подобные обозначения указывают на их патронимический характер. Модель названий поселений на «ичи» «возникла в результате перенесения наименований жителей на занимаемую ими территорию» ([7], с. 76). Писцовые книги и берестяные грамоты также фиксируют аналогичные названия. Особенно много селений, имеющих собственные имена с такими окончаниями, на Ижорском плато. Вот они и являются здесь первоначальными гнездами расселения. В процессе хозяйственного освоения ареалы расселения увеличивались, территориально рассредоточивались, формируя постепенно относительно однородное поселенческое пространство. Однако в нем всегда выделялись центры, доминировавшие над основной массой населенных мест. Кроме того, каждая деревня имела временно обитаемые селения, имевшие разное функциональное назначение. К ним принадлежали постройки на сенокосных угодьях и земельных расчистках, в местах выжигания угля и смолокурения, рыбных ловлях и на охотничьих тропах. «Вторые» селения были необходимым элементом хозяйственного уклада населения. Однородность расселения следует понимать как преобладание малодворной деревни, что было обусловлено до начала XVII в. правовыми основами землепользования, в том числе правом свободного выхода и освоения новых земельных наделов.

В дальнейшем на протяжении второй половины XVII в. людность населенных пунктов возрастает, но их общее число оказывается значительно меньшим. Установление поместной системы и закрепощение крестьян ознаменовали собой новый этап в развитии сельского расселения.

Увеличение числа жилых мест происходит после 1861 г., но существенное возрастание их общего количества стало возможным в результате столыпинских реформ. Вплоть до середины 20-х годов отмечается образование хуторов, мыз и других мелких пунктов. Коллективизация и утверждение новой системы хозяйствования — это уже начало еще одного этапа в длительной эволюции расселения, и отмечен он прежде всего сокращением поселенческой сети. Попытки возродить заброшенные деревни в последние годы оказались большей частью безуспешными из-за экономического кризиса. Таким образом, в структуре поселенческой сети наблюдаются спады и подъемы, обусловлены они изменением форм собственности на землю. Но основной каркас сельского расселения остается неизменным.

Во-вторых, начиная с X в. формируется сеть погостов — центров размещения княжеской дружины, назначенной для сбора дани. Располагались они в освоенной местности, и вокруг них складывалась зона административного и хозяйственного тяготения.

По этому поводу Неволин сделал следующее заключение: «После Великой княгини Ольги погосты продолжают непрерывно существовать в Новгородской области» ([8], с. 90), и далее: «С развитием губернского разделения и управления разделение на пятины совершенно забыто. Но не забылось разделение на погосты. Сначала, в период времен от Петра Великого до Императрицы Екатерины II, оно существовало и было признаваемо как

официальное: разделение, тем более что при обширности тогдашних губерний и уездов слишком чувствовалась нужда в этом меньшем подразделении» ([8], с. 236).

Необходимость в низовом административном звене ощущалась и в прошлые времена, и в современных условиях. Некоторые погосты сохранили функции центрального места и поныне: менялись лишь наименования административно-территориальных единиц. Ранее они назывались погостами, затем волостями, сельскими советами, а сейчас в Ленинградской обл. вновь стали именоваться волостями.

В-третьих, в пределах погоста-округа неизбежно возникала общность интересов сельских жителей в связи с использованием общинных земель, распределением податей или выполнением общих для всех поселян обязанностей. В центре погоста, как правило, находилась церковь, а при церквях погостских обыкновенно устраивались «...трапезы; они для погостчан были местом собраний не только по церковным, но и по гражданским делам» ([8], с. 105). Следовательно, складывалась, говоря современным языком, социально-территориальная общность, обладающая в каждом конкретном случае своеобразными чертами и устойчивыми связями. Таким же потенциалом дальнейших научных исследований обладает другая работа Неволлина.

В «Общем списке русских городов» [12], составленном на основе собрания памятников отечественной истории, снабженных указателями собственных имен, в том числе географических, обращает на себя внимание то, что многие населенные пункты имели названия, производные от слова «город» (град). Так, в первый период истории русских городов по Неволлину (862-1238 гг.) наименование «городец» встречается 4 раза и, кроме того, используются как имена собственные такие обозначения, как «Городок» и «Городен». Во второй период (1238-1462 гг.) возникло 5 поселений с тем же названием «Городец», а также «Городеск» и «Городок». В более поздние времена основывались поселения под аналогичными названиями, например «Городечна», «Городище», «Горадищно», «Городный» и т. п. Некоторые из них в дальнейшем уже не значатся как городские образования, исчезнув или превратившись в сельские населенные места.

Город на заре русской истории понимался как огороженное место, крепость, укрепленный пункт. По этому поводу Неволлин указывал, что «по первоначальному, коренному понятию русский „город“ был не что иное, как крепость, в которой укрывались и оборонялись от неприятеля». И далее он отмечает следующее: «В этом смысле и временные укрепления назывались „городами“, каждое отдельное укрепление, окружавшее какое-либо место, составляло особый „город“; монастыри, огражденные укреплениями, причислялись также к городам» ([12], с. 27). Однако в «Общий список русских городов» монастыри и временные укрепления (остроги, зимовья и т. п.) не были включены в отличие от посадов, которые Неволлин счел возможным «причислить» к городским поселениям, учитывая, вероятно, социальный состав жителей этой категории населенных мест.

Подходя избирательно к определению категории поселений, он вместе с

тем учитывал известную условность официального обозначения статуса города: «...непрерывно одно и то же понятие служило основанием различным значениям, в которых у нас было употребляемо название „города“, и мы имеем полное право в древнейших городах искать начала нынешних, видеть в последних продолжение первых...» ([12], с. 29). «Общий список...» Неволлина интересен также тем, что в него были включены города, впоследствии утратившие свой официальный статус. Например, г. Демон (1440 г.) — современный поселок городского типа Демянск, г. Изборск (862 г.) «при р. Славянские Ключи», Холопий городок на р. Ловать, г. Чернобыль на р. Припять и др. И все же, признавая те допущения, которые были сделаны Неволлиным, оказывается, что в начальные этапы древнерусского государства было много населенных пунктов, имевших обозначение «город». Были ли они действительно городами, т. е. присущи ли им были городские функции? В «Общем списке...» Неволлина до 1238 г. в границах империи его времени числился 351 город.

Традиционно возникновение городов связывают с отделением ремесла от земледелия и появлением классового общества. Город рассматривается как центр ремесла и торговли, административно-политической и духовной деятельности, как военное укрепление. Главным признаком, свидетельствующим о превращении поселения сельского типа в городское образование, по общему признанию, выступают ремесленная функция и формирование соответствующих групп населения. Поэтому подвергалась сомнению или полностью отвергалась сама возможность образования городов на стадии родоплеменных отношений. Населенные пункты, носившие названия «город» и производные от него, характеризовались в качестве протогородских форм расселения в лучшем случае или как временные укрепления, в которых находили убежище сельские жители прилегающей округи.

Исследования последнего времени показали, что процесс градообразования имеет более сложный характер и не всегда соответствует известной схеме. И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко в монографии «Города-государства Древней Руси» [15] привели убедительные аргументы более раннего образования городских форм расселения, а именно на поздней стадии родоплеменных отношений. Согласно их представлениям: «Города на Руси, как, вероятно, и в других странах, возникают, судя по всему, в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной» ([15], с. 29). Образование племенных и межплеменных союзов стимулировало создание таких «координирующих» центров. Авторы утверждают, что «на раннем этапе города выступали преимущественно в качестве военно-политических, административных и культурных (религиозных) средоточий» ([15], с. 31). В них располагались резиденция князя, дружина, старейшины (старцы градские), вече. С экономико-географических позиций важно подчеркнуть организующее значение таких городов, в которых скрещивались связи разного назначения. Это были центры (Киев, Новгород, Ростов, Смоленск и др.) обширных, тяготеющих

к ним округов (городских волостей) с пригородами и многочисленными сельскими пунктами. Городские волости — земли обладали иерархическим строением: выделялись главный (старший, стольный) город и младшие (пригороды). Нижнее звено составляли родовые поселки (градки), имевшие кроме жилых и хозяйственных построек ремесленные мастерские общинного характера.

Один из таких поселков — Городец — был исследован ленинградскими археологами в начале 70-х годов. Располагался он на мысе Городецкого озера в Полужье. В начале IX в. на этом месте возникло, вероятно, селище, которое со временем превратилось в родовой «градок» с мощными укреплениями. Как отмечает Г. С. Лебедев, их возведение было возможно только всеми жителями сельской округи. Здесь формируется торг, создается ремесленное производство, и постепенно Городец превращается в «новый политический и хозяйственный центр края» ([6], с. 125). Вокруг него складывается достаточно плотная сеть сельских населенных пунктов. Усиление организующего значения Городца происходит в X в., когда на его основе создается погост — пункт расположения княжеской дружины. Городец (уже дружинный) становится одним из элементов территориальной системы налогообложения и соответственно управления княжеской власти в этом регионе. Таким образом, Городец — это не просто огороженное место, временное убежище для жителей окрестных деревень, а развитый поселок с некоторыми городскими функциями, среди которых важное место, если не первое, отводилось организующей. Всего в Верхнем Полужье обнаружено 6 памятников типа «городища» — форпостов славянской колонизации Верхней Руси, а в дальнейшем одними из многих центров административно-территориальной системы Древнерусского государства. Это обстоятельство следует выделить особо, поскольку созданная в X в. сеть погостов, имевших свои зоны влияния (округа), дополнила формировавшуюся систему расселения. Некоторые из погостов были организованы в ранее созданных родовых поселках, как в случае с Городцом, другие — на новом месте или в становищах. Но в любом случае это были центры, вокруг которых группировалось сельское население, образуя гнезда расселения. Погосты, образованные как локальные средоточия княжеского влияния, занимали выгодное географическое положение, что способствовало их временной устойчивости.

Интересное суждение о составе жителей таких центров высказал В. Я. Петрухин: «Вероятно, население погостов помимо дружинников включало „служилых” людей — ремесленников, ремонтировавших ладьи, производящих массовые серии изделий, керамику. К ним могли примыкать охотники, бортники и прочие люди...» ([13], с. 160). Из приведенного перечня видно, что в погостах находились представители разных социальных групп, и погосты были не только местом сбора, хранения и перераспределения дани. Экономическая функция в тех условиях неизбежно сочеталась с военно-административной (дружинный градок) и торговой. Соотношение между собой этих и других функций в подобных формах расселения, как и в других (городах), было неодинаково. В. Я. Петрухин выделяет главные погосты (Гнездово, Тимерево и др.) и

меньшие по значимости (Городок на Верхней Луге, Городок на Ловати и др.). Объединяет их то, что те и другие выполняли организующие функции, что можно считать главным в понимании устойчивости сети населенных пунктов и формировании систем расселения разного территориально-иерархического уровня. В конце X в. погосты «передают» свои фискальные обязанности городам — столицам княжеств. Начинается новый этап в истории древнерусского государства, и связан он с началом феодальной эксплуатации «волостей, зависимых от городов, где сидели князья (и боярская знать)» ([13], с. 169). Потеря одной функции, даже такой важной, как сбор налогов, отнюдь не означает исчезновения самих населенных пунктов как центров низового административно-территориального звена. Они неизбежно эволюционируют под воздействием внутренних и внешних причин, некоторые из них стагнируют и исчезают, но, как правило, многофункциональные организующие центры, а таковыми являлись многие погосты, проявляли жизнестойкость и способность к адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям. Городец, о котором речь шла ранее, был захвачен и сожжен немецкими рыцарями в середине XIII в. Обнаруженные археологами предметы имеют в основном городское происхождение и свидетельствуют о широких территориальных контактах населения. Городец обладал регулярной планировкой и представлял собой переходную форму расселения: от сельской к городской. Позднее здесь построили монастырь, а в настоящее время Городец — рядовая деревня, расположенная в дачной местности.

«Общий список...» Неволлина дает богатый материал для понимания особенностей развития городских поселений. Процесс градообразования формировался постепенно с известными отступлениями, о чем свидетельствуют факты прекращения городской деятельности; происходило это по разным причинам, в том числе военным, особенно на ранних стадиях. Изначально поселенческая сеть была дифференцирована и обладала иерархическим строением. Неизбежно при этом возникали промежуточные формы расселения. Постепенно складывались системные свойства расселения: связи, объединяющие населенные места, становились интенсивнее и разнообразнее. В известной мере упомянутые работы Неволлина дополняют друг друга, характеризуя сложный и противоречивый процесс расселения.

Географические интересы Неволлина не ограничивались двумя публикациями. Как уже отмечалось, географические аспекты затрагивались им и в других исследованиях. Константин Алексеевич Неволлин — крупный историкогеограф, внесший значительный вклад в развитие отечественной науки. По определению А. П. Заблоцкого: «Он был — искатель и хранитель истины» ([3], с. 16).

Список литературы

- [1] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л.: Наука, 1971. 402 с.
- [2] Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV-XVIII вв. Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 175 с.
- [3] Заблоцкий А. Л. Воспоминание о членах Императорского РГО графе С. С. Уварове, В. А. Милютине, К. А. Неволине и Т. Н. Грановском // Вестн. ИРГО. 1855. Ч. 15. СПб., 1855. с. 13-16.
- [4] Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению совета университета В. В. Григорьевым. СПб., 1870. с. 155.
- [5] История императорского университета Св. Владимира. Сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. Т. 1. Киев, 1884. 674 с.
- [6] Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской обл. Л.: Лениздат, 1977. 231 с.
- [7] Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 155 с.
- [8] Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Зап. РГО. 1853. № 8. С. XII. 414 с.
- [9] Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. Полн. собр. соч. Т. 1. с. 1-501; Т. 2. 513 с. СПб., 1857.
- [10] Неволин К. А. История российских гражданских законов. Т. 3. 444 с.; Т. 4. 446 с. СПб., 1857; Т. 5. 524 с. СПб., 1858.
- [11] Неволин К. А. Об успехах государственного межевания в России до царствования Императрицы Екатерины II. Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1859. с. 431-517.
- [12] Неволин К. А. Общий список русских городов. Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1859. с. 27-95.
- [13] Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. Смоленск: Русич; М.: Гнезис, 1995. 320 с.
- [14] Усов М. Очерк служебной и ученой деятельности проф. К. А. Неволина. СПб., 1855. 23 с.
- [15] Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города — государства Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 269 с.
- [16] Ячменев Ю. В. Правовая теория К. А. Неволина (истоки естественно-правовой мысли в России). Авто-реф. дис. ... юридических наук. СПб., 1995. 24 с.
- [17] Ячменев Ю. В. К. А. Неволин — родоначальник философии права России // Государство и право. 1994. № 12. с. 122-128.